

УДК 821.161.1-3

Червоненко С.М.

Московский государственный областной университет

ОБРАЗ МОНАХА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ

S. Chervonenko

Moscow State Regional University

IMAGE OF MONK IN MODERN SMALL GENRES PROSE

Аннотация. В данной статье автор обращается к произведениям о нелёгких путях монашеского служения. Исследуются рассказы современных пишущих авторов-священников: архимандрита Тихона (Шевкунова), священников Владимира Чугунова и Ярослава Шипова, протоиерея Саввы Михалеви́ча. В выбранных для анализа текстах выделяются особенности поэтики повествования у каждого из художников, конспективно намечены параллели с творчеством писателей XIX века. Отмечаются своеобразные художественные результаты, благодаря которым писатели погружают читателей в глубокие религиозно-философские вопросы христианской жизни.

Ключевые слова: персонаж, монах, духовность, нестяжательность, смирение, религиозные вопросы, художественная деталь, молитва, покаяние.

Abstract. The author of the article analyses short stories by contemporary writers: an archimandrite Tikhon (Shevkunov), priests Vladimir Chugunov, Yaroslav Shipov, an archpriest Savva Mihalevich, which tell about a difficult path of monastic service. The peculiarities of each author's poetic style and narration are sorted out in the selected works. Also some parallels between these authors and writers of the 19th century are outlined. There author of the article mentions the original artistic results due to which the writers immerse readers in thoughts about deep philosophical problems of religion and Christian life.

Key-words: character, monk, spirituality, generosity, humility, problems concerning religion, stylistically relevant detail, prayer, confession, repentance.

Начиная с житийной литературы и до нынешних дней тема монашеской жизни остаётся актуальной. Достаточно вспомнить героев А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова.

К религиозно-философской проблематике обращались в своих произведениях многие художники Серебряного века. Одной из основополагающих она стала в творчестве писателей Русского зарубежья. В произведениях И.С. Шмелёва и Б.К. Зайцева с разных ракурсов и каждым художником по-своему изображены монастыри и их насельники.

В постсоветской России общество получило доступ к духовной деятельности, возродилась практика монастырского служения. В XXI веке наблюдается повышенный интерес к религиозным темам в творчестве светских и воцерковлённых писателей. Особого внимания заслуживают произведения авторов, имеющих священнический сан. В своём творчестве они по-разному, многосторонне раскрывают образ монаха, сочетая приёмы проповеди и художественного повествования, раскрывая глубокие вопросы веры, духовного становления личности в современном обществе и её противостояния соблазнам мятущегося мира.

Рассказы протоиереев Николая Агафонова, Саввы Михалеви́ча, священников Александра Дьяченко, Владимира Чугунова, Ярослава Шипова, архимандрита Тихона (Шевкунова) погружают читателя, только что обращенного к вере или далёкого от неё, в удивительный мир

© Червоненко С.М., 2013.

церковной жизни с её укладом, обрядами и таинствами, некоторым читателям помогают встать на путь духовного возрастания.

Писатели-священники создают ряд художественных образов монахов – от простого послушника до Патриарха. Некоторые авторы строят повествование, прибегая к ретроспекции, что позволяет им создать атмосферу исторической эпохи, передать её достоверные приметы. Таковы произведения архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые и другие рассказы», протоиерея Николая Агафонова «Оборотень» [1, с. 253–273], «Отшельник поневоле» [1, с. 420–470], священника Александра Дьяченко «Острова» [2, с. 69–81], «Эти глаза напротив» [2, с. 340–357].

Галерея насельников Псково-Печерского монастыря представлена в книге «Несвятые святые и другие рассказы». В ней архимандрит Тихон (Шевкунов) воссоздаёт неповторимую внутреннюю атмосферу обители. С тонким чувством юмора повествователь описывает начало собственного монашеского опыта, представляет читателям каждого героя, давая краткие, но ёмкие характеристики. Здесь и только что прибывшие трудники, ещё не определившиеся на жизненном пути, но уже запутавшиеся в сетях светских соблазнов, и весёлые послушники. Но главное внимание приковывают к себе старцы: «углублённый в молитву» [7, с. 76], замкнутый и суровый на первый взгляд, но необычайно добрый архимандрит Серафим; «могучий старый лев с пламенно-рыжей густой гривой» [7, с. 116], «глубоко чувствующий, сколь важны для живых и усопших церковные молитвы» [7, с. 116], отец Антипа; «удивительный и таинственный подвижник» [7, с. 106] – схиигумен Мелхиседек; заместники отец Гавриил и отец Алипий; обретший настоящую славу в православном мире отец Иоанн (Крестьянкин). Отец Тихон увлекает читателя лёгкостью и непосредственной эмоциональностью изложения, раскрывая самые неожиданные стороны строгой подвижнической жизни.

Все герои как будто дополняют друг друга, отображая лучшие качества монашества. Наиболее ярко это воплотилось в характере «очень вредного» [7, с. 83] «худенького, с острым пронзительным взглядом» [7, с. 83], казначея – отца Нафанаила. Даже внешность этого «церковного бюрократа» [7, с. 84] «зимой и летом в старой застиранной рясе с рваным подолом» [7, с. 83] призвана подчеркнуть его нестяжательность. Акцентируя внимание на юмористической стороне, автор ведёт читателя к осознанию подвижничества монахов. В своеобразном Плюшкине «с холщёвым мешком за спиной» [7, с. 84] скрыты необычайные духовные силы. Герой исполняет бесчисленно много послушаний, ему присущ строжайший аскетизм: «например, никто, никогда не видел, чтобы он пил чай, – только простую воду» [7, с. 85], спал только сидя, «а чтобы не нежиться в кровати, предпочитал поспать в снегу» [7, с. 88], и при этом не допускал «никого в своей сокровенный внутренний мир» [7, с. 88].

Особое место в книге отводится иеромонаху Рафаилу (Огородникову), в котором сочетались внутренняя духовная сила и весёлый нрав, подвижнический аскетизм и юродство – с гоночной страстью. Многогранный образ отца Рафаила привлекал очень многих. По своему раскрывает характер этого же героя в своём рассказе «Крестный путь отца Гавриила» [6, с. 30–38] протоирей Савва Михалевич, делая упор на трагичности судьбы, тогда как архимандрит Тихон акцентирует внимание на шутливых, весёлых эпизодах тернистого пути своего друга. Но оба автора единомысленны в неординарности личности героя, который своей глубокой верой и подвижническим образом жизни приводил многих заблудших, потерявших истинные ориентиры в лоно Матери Церкви. Отец Тихон уже в названии двумя словами даёт характеристику своему другу, называя его «возопившим камнем», аллегорично намекая, что именно на таких Своих служителях Господь созиждет Свою Церковь.

Организуя повествование по законам выбранного жанра, писатель получает уникаль-

ную возможность через автобиографического героя полностью показать весь нелёгкий путь от полного неверия до отречения от этого суетного мира и принятия монашества. В увлекательной манере автор описывает некоторые испытания, падения и успехи, обращаясь в первую очередь к неискущённому в духовной брани читателю. Всё повествование носит ярко выраженное миссионерское направление.

Многие писатели-священники обращаются к теме старчества, изображая не только уже канонизированных святых, например, Оптинских Старцев, но и современных подвижников веры. Мы уже упоминали почившего, так хорошо известного православному миру отца Иоанна (Крестьянкина). Не менее любимый духовник Троице-Сергиевой Лавры – архимандрит Кирилл (Павлов) – оставил неизгладимый след во многих сердцах. Его образ ярко запечатлен священником Александром Чугуновым в рассказе «Старец». Охарактеризовав оптинского подвижника старца Макария, автор плавно перекидывает мостик в современность, выделяя более чем строгую фигуру духовника патриарха Алексия II.

Простота сюжета призвана усилить атмосферу таинства исповеди и тем самым раскрыть характер главного героя. Как на жертвеннике совершается подготовительная часть литургии – проскомидия, так в покаянии, когда «душа распинается. Вся она тут перед Судией» [9, с. 246], она готовится к главному таинству – Евхаристии. Каждая деталь подчёркивает «внушительно-скромный» [9, с. 246] образ седого монаха с отрешённым лицом, «внушительнее всякой строгости» [9, с. 246], за которым скрыты напряжённая молитва и глубокая тайна покаяния. Всё священнодействие происходит в алтаре, где царит напряжённая тишина внутреннего духовного преображения. Заканчивая повествование многоточием, автор придаёт ситуации некоторую загадочность.

Оба писателя избирают очерковый жанр с определённой целью – навести мосты меж-

ду двумя мирами: светским и духовным, не вдаваясь, как, например, И.С. Шмелёв, в глубины духовного становления личности, выбравшей монашеский путь служения.

Отец Ярослав Шипов раскрывает образ монаха по-своему, почти не изображая монастырскую жизнь. Духовные аспекты жизни даются через внутренний мир персонажей. Автор выстраивает увлекательные сюжетные звенья в соответствии с требованиями художественного повествования.

Исключение составляет только рассказ «Сила немощи». Но и здесь писатель остаётся верен себе, лишь в нескольких фразах пожилого игумена обрисовывая обитель, в которой наряду со строгостью уставной жизни царят мягкий юмор и доброта. Поэтому в своём настоятеле насельники видят настоящего заботливого отца, который относится ко всем послушникам, независимо от их возраста, «как к малым детям, называя их разбойниками, непослушниками и другими подобными именами» [10, с. 290].

Стержнем повествования становится чудесное спасение ребёнка молодым монахом. Облик последнего обозначен несколькими лаконичными фразами. Автор называет его «смиреником с большими, как блюдца, не то серыми, не то голубыми глазами» [10, с. 291]. Но смирение и детская простота в нём сочетаются с глубоким духовным потенциалом, недаром он сидит по правую руку уже пожилого игумена, настоятеля монастыря. Его внутреннее возрастание подчёркивает былая принадлежность старообрядцам и уход из раскольнической церкви уже в сознательном возрасте.

Писатель упоминает в одной реплике монаха о спасении ребёнка, не раскрывая до конца чудесного смысла произошедшего: «Да я, батюшка, плавать не умею нисколько: у меня на родине вода ледяная – не для купания» [10, с. 293], – признаётся «смиреник». Таким образом, через весь рассказ проходит одна из самых глубоких и сложных тем – тема чуда, в данном случае спасения ребёнка. О. Ярослав, будучи священником, остро чув-

ствуется мистическую сторону христианской жизни, тем не менее, тактично замечает, что «нам не заповедано искать чудес» [8, с. 14]. Герой с трепетом относится к произошедшему, понимая, что его заслуги в этом нет: «Думаю, Господь хотел сохранить мальчонку – и сохранил. А что я немог, так это для Бога пустяк» [10, с. 293], – рассуждает монах.

Весь финальный диалог имеет важный содержательный акцент. Заканчивая всё повествование евангельской цитатой, – «сила Божия, как известно, в немощи совершается» [10, с. 292], – автор противопоставляет изображённую картину современному стилю поведения, когда очень многое строится на достижении успехов с позиции силы.

В другой манере написан рассказ «Овсяное печенье». Используя жанровые особенности «рассказ в рассказе», автор обращается к проблеме истинно духовного и лишь внешнего исполнения церковного устава. Эту тему заостряли писатели XIX века. Достаточно вспомнить старца Зосиму и отца Ферапонта в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского.

Отец Ярослав на контрасте изображает двух духовных лиц: умудрённого опытом архимандрита, «известного крайней строгостью по отношению к себе и безграничной доброжелательностью ко всем остальным людям» [10, с. 304], напоминающего старца Зосиму, и совсем ещё «молоденького пономаря», который по своему лишь внешнему аскетизму сопоставим с отцом Ферапонтом.

Но если у Достоевского оба героя монахи, то о. Ярослав изобразил юного «борца за веру», который молод, прямолинеен и весьма далёк от монашеского подвига. Он стал священником, но всё его служение только рационалистическое, головное, без сердечной любви, и это чувствуют все прихожане, поэтому он с людьми не уживается и меняет один приход за другим. Описывая своего героя, автор заключает, что набор знаний, даже богословских, отличные оценки в семинарии не всегда становятся отправной точкой духовного роста и истинной веры. Скрупулёз-

но соблюдая внешние правила, он забывает о самом главном и продвигается к неминуемым падениям.

В келье старца во время празднования памяти о победном сражении, молодой выпускник семинарии начинает осуждать. Именно с «видимой осудительностью» [10, с. 305] юноша взирает на происходящее. Автор, описывая одну из годовщин Сталинградской битвы, в которой принимал непосредственное участие архимандрит, упоминает и о пятидесяти фронтовых граммах «за победу!». Такое отступление от уставного правила вызывает протест пономаря, поэтому он якобы присоединяется к архимандриту, не участвующему в этой трапезе. Но герои противопоставлены друг другу, т. к. старец не принимает участия в «пиршестве» «по привычной склонности к аскетизму» [10, с. 305]. Именно эта внутренняя потребность является главной причиной неучастия в застолье, становясь дополнительным ярким штрихом к портрету архимандрита.

«Укорительно» молодой человек отказывается и от овсяного печенья, предложенного ему хозяином кельи. Их диалог становится кульминацией повествования. На категоричное заключение пономаря о пищевом составе всё того же печенья, которое включает, как утверждает коробочная упаковка, яичный порошок, батюшка с улыбкой отвечает: «А у нас его продают в пакетах, и на пакетах ничего не написано, так что я – ем» [10, с. 309]. Этой фразой автор заканчивает повествование, тем самым ненавязчиво, но вполне прозрачно подчёркивая пагубность стремления только к внешнему благочестию, без внутренней духовной сосредоточенности.

Приём контраста становится ещё ярче в финале, когда раскрывается бесславное служение молодого священника и истинная глубина веры умудрённого архимандрита, полностью отрешившегося от мира и общения с ним, принявшего схиму – поистине ангельский образ.

Рассказы священнослужителей освещают нелёгкие пути духовного становления

и совершенствования. Наполняя художественное пространство своих произведений элементами церковного обихода, писатели передают неповторимый, уникальный в своём роде мир церкви, монастырской обители, который читателю открыт не созерцанием светского человека, а именно священника, монаха. Вынесенные в заглавия детали-символы становятся «мощным прожектором, в свете которого видны единство художественного целого, присутствие автора в композиции» [3, с. 313]. Через своих героев священники воссоздают удивительную атмосферу монашеской жизни. Отнюдь не призывая своих читателей принять постриг, они побуждают задуматься над своим жизненным путём, соответствует ли он христианской жизни и евангельским истинам, носителями которых являются истинные монахи.

Мы подробно остановились только на нескольких произведениях, в которых писатели прибегают к такому приёму, когда «принципы эстетического отбора и сочетания форм литературной речи образуют своеобразное литературно-художественное единство» [4, с. 127]. Эта органическая цельность повествования обеспечивает непосредственную

заостренность внимания на религиозно-философских вопросах, даёт возможность приблизить читателя «к пониманию, к прочувствованию сердцем и душой православных истин бытия, на которых <...> зиждется всё земное существование» [5, с. 21].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агафонов Николай, протоиерей. Отшельник поневоле. – М.: Сретенский монастырь, 2009. – 656 с.
2. Дьяченко Александр, священник. Преодоление. – М.: Никея, 2011. – 480 с.
3. Введение в литературоведение. / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Академия, 2011. – 720 с.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 2005. – 288 с.
5. Макарова Л.А. Воцерковленная Россия И.С. Шмелева. Малые жанры прозы. – М., 2012. – 142 с.
6. Михалевиц Савва, протоиерей. Год на сельском приходе. – М.: Благо, 2004. – 160 с.
7. Тихон (Шевкунов), архимандрит. "Несвятые святые" и другие рассказы. – М.: Сретенский монастырь, 2011. – 640 с.
8. Фудель С.И. Записи о литургии и церкви. – М.: Русский путь, 2009. – 112 с.
9. Чугунов Владимир, священник. Дыхание вечности. – Николо-Погост: НООФ «Родное пепелище», 2008. – 320 с.
10. Шипов Ярослав, священник. Первая молитва. – М.: Сретенский монастырь, 2011. – 624 с.